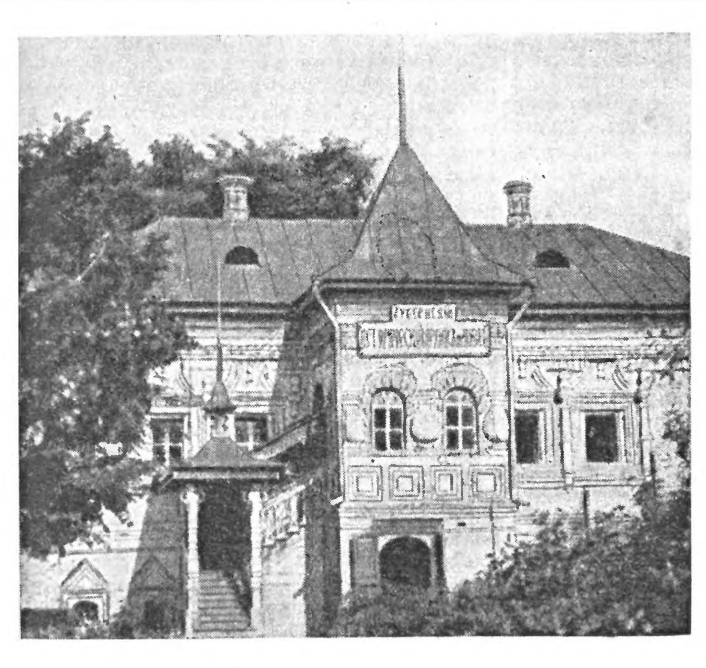
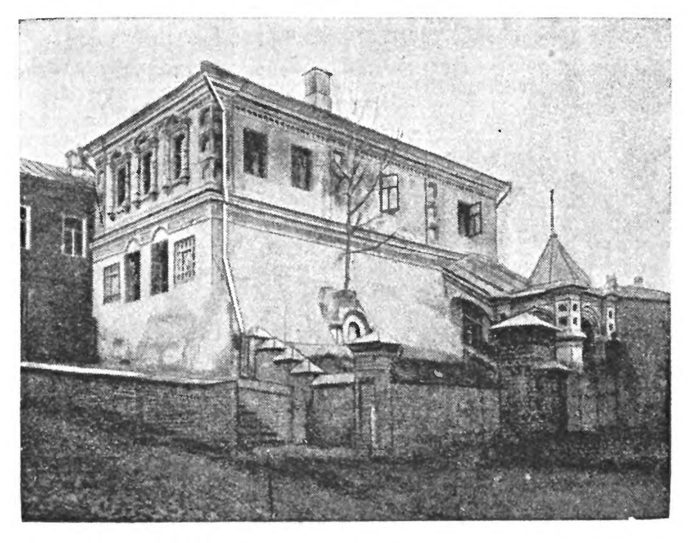
ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

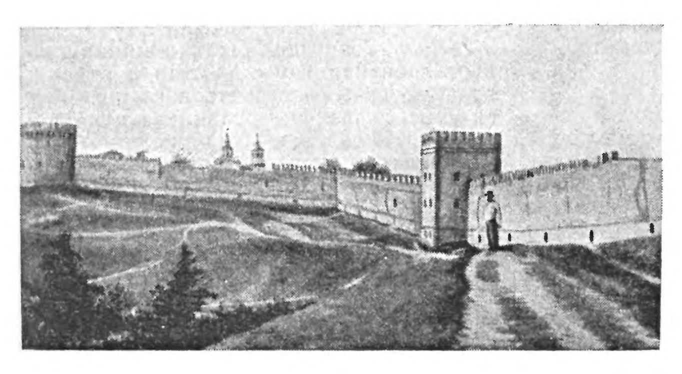
№ 9 Суббота, 8 (21) марта 1903 г. № 9

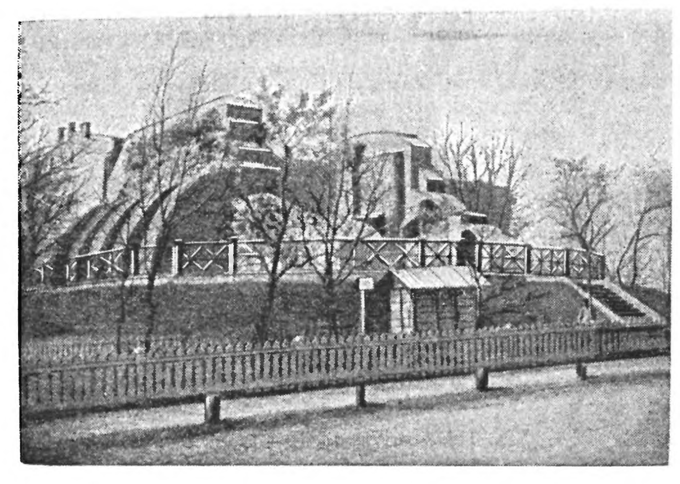
Домъ въ Калугѣ, въ которомъ жила Марина Мнишекъ; нынѣ въ немъ помѣщается историческій архивъ и музей.

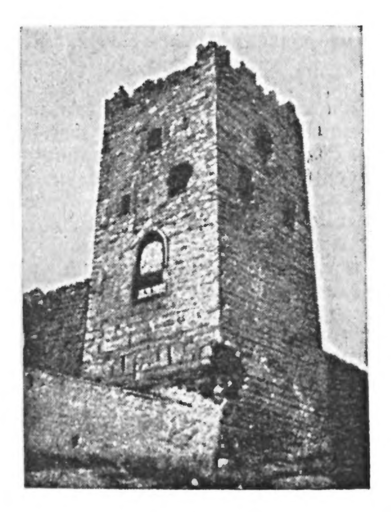
Домикъ Петра Великаго въ Нижнемъ-Новгородѣ.

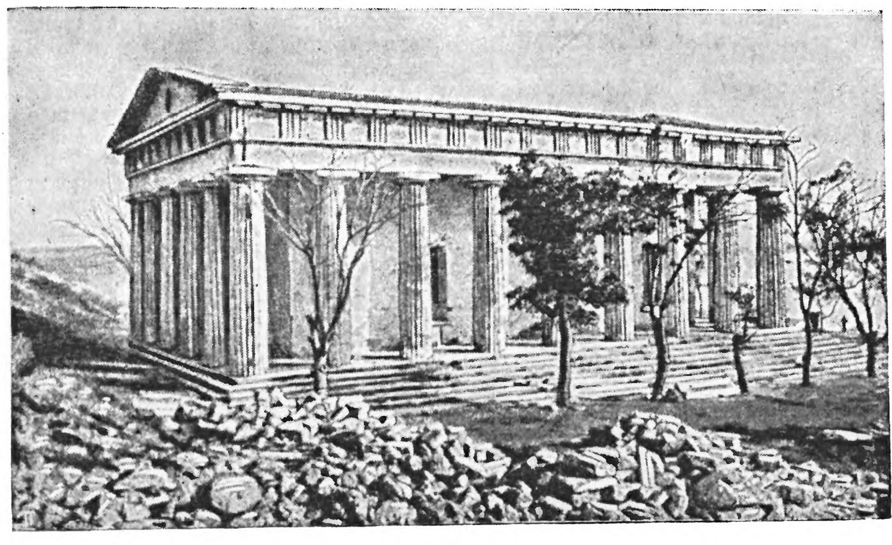
Реставрированная часть древней городской стѣны въ Смоленскѣ.

„Золотыя врата“ въ Кіевѣ. Реставрированные остатки городскихъ воротъ, сооруженныхъ Ярославомъ Мудрымъ въ 1037 г.

Остатки Генуэзской крѣпости въ городѣ Ѳеодосіи, Таврической губ.

Древній греческій храмъ въ г. Керчи, Таврической губерніи

Памятники старины въ Россіи.

Воспоминанія австрійскаго дипломата въ Петербургѣ.

1860—1863 гг.

Совмѣстныя дѣйствія Россіи и Австро-Венгріи въ вопросахъ, касающихся Балканскаго полуострова,—одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной международной жизни. Съ эпохи крымской войны и до половины девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, обѣ названныя державы считались антагонистами на ближнемъ Востокѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ, ознаменованныхъ у насъ великими внутренними преобразованіями, въ русскомъ обществѣ еще свѣжа была память о поведеніи Австріи во дни кровавой севастопольской эпопеи, и его настроеніе отразилъ И. С. Аксаковъ въ рядѣ статей, гдѣ повторяется одно и то же основное положеніе, которое московскій публицистъ и патріотъ формулировалъ такъ: „Всякое наше сближеніе съ Австріей противорѣчитъ нашему призванію, какъ славянской державы". Въ семидесятыхъ годахъ руководитель австрійской политики графъ Андраши, на-ряду съ лордомъ Биконсфильдомъ, явился однимъ изъ главныхъ виновниковъ замѣны санъ-стефанскаго договора берлинскимъ трактатомъ. Та же догма австро-русской непріязни считалась незыблемой и въ восьмидесятыхъ годахъ. Только девяностые годы прошлаго столѣтія, обновившіе всю русскую внѣшнюю политику, подкопались подъ эту догму. Начавшаяся послѣ японско-китайской войны переоцѣнка всевозможныхъ политическихъ цѣнностей въ стараой Европѣ привела и къ франко-русскому союзу, и къ австро-русскому соглашенію 1897 года, коего благотворное значеніе для мира даетъ себя чувствовать въ настоящіе тревожные дни, омраченные острымъ кризисомъ на Балканахъ. Напечатавъ свои воспоминанія, относящіяся къ 1860—1863 годамъ, графъ Ревертера, бывшій совѣтникъ австрійскаго посольства въ Петербургѣ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, какъ бы произвелъ очную ставку двумъ эпохамъ, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ два крайніе полюса австро-русскихъ отношеній, и въ этомъ заключается историческій интересъ его работы, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ „Deutsche Rundschau". Попутно авторъ даетъ и характеристику Наполеона III, политика котораго—прямая противоположность политикѣ третьей республики. Внимательный читатель сопоставитъ наполеоновскую Францію, враждебную Россіи съ Франціей эпохи Феликса Фора и Эмиля Лубэ, и сдѣлаетъ тѣ выводы, на которыхъ намъ нѣтъ надобности останавливаться.

Императоръ Александръ II, его министръ иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ и Наполеонъ III — центральныя фигуры, на которыхъ сосредоточивалось вниманіе народовъ въ 1860 — 1863 годахъ. Объ нихъ почти исключительно идетъ рѣчь въ лежащихъ предъ нами воспоминаніяхъ. Прежде чѣмъ перейти къ ихъ изложенію, мы должны напомнить читателямъ, что основные взгляды Императора Александра II на внѣшнюю политику Россіи изложены самимъ покойнымъ Государемъ въ относящейся къ началу его царствованія и составленной канцлеромъ графомъ Нессельроде запискѣ, гдѣ начертаны слѣдующія слова Монарха:

„Послѣ перенесеннаго испытанія Россіи нужно сосредоточиться въ самой себѣ и искать залѣчить внутренними средствами нанесенныя ей раны. На этой мысли должна основываться вся наша политика. Реформы внутри и тѣсныя отношенія извнѣ. Въ нихъ, и только въ нихъ заключается обезпеченіе въ томъ, что миръ, какъ онъ созданъ парижскимъ трактатомъ, продлится столько, сколько необходимо для нашихъ внутреннихъ потребностей".

Князь А. М. Горчаковъ, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ въ апрѣлѣ 1856 года, сильнѣе кого бы то ни было чувствовалъ всю горечь парижскаго трактата: онъ лично вынесъ на себѣ главнѣйшія стадіи борьбы съ политической враждою Западной Европы, въ самомъ центрѣ непріязненныхъ комбинацій—Вѣнѣ. Тягостныя впечатлѣнія прусской войны и вѣнскихъ конференцій наложили свою печать на послѣдующую дѣятельность Горчакова, какъ министра. Политическая программа его ясно опредѣлялась тѣми обстоятельствами, при которыхъ ему пришлось вступить въ управленіе министерствомъ. Прежде всего необходимо было наблюдать большую сдержанность въ первые годы, пока совершались великія внутреннія преобразованія; затѣмъ князь Горчаковъ поставилъ себѣ двѣ практическія цѣли: во-первыхъ—отплатить Австріи за ея образъ дѣйствій въ 1854—1856 годахъ, и во-вторыхъ — добиться постепеннаго уничтоженія парижскаго трактата.

Скажемъ теперь два-три слова о Наполеонѣ III. Въ эпоху, о которой вспоминаетъ австрійскій дипломатъ въ Петербургѣ, т. е. въ 1860 — 1863 годахъ, этотъ монархъ считался могущественнѣйшимъ въ Европѣ. Его рѣчамъ внимали, напрягая слухъ, народы и государства. Франція жила тогда личной жизнью Наполеона III, центръ тяжести находился не въ ней, а въ Наполеонѣ. Роковое названіе Наполеонидовъ сопряжено съ роковыми ошибками въ ихъ личной судьбѣ, и, какъ ни уменъ былъ Наполеонъ III, онъ не могъ предотвратить то роковое стеченіе обстоятельствъ, которое привело къ его личному паденію, къ расчлененію Франціи, послѣ тяжелыхъ испытаній, вышедшей на путь дружбы и союза съ Россіей. Сдѣлавъ эти бѣглыя замѣтки, мы даемъ слово автору лежащихъ передъ нами воспоминаній, австрійскому дипломату.

* * *

2-го ноября 1858 года въ Парижѣ умеръ австрійскій посолъ при русскомъ дворѣ, графъ Валентинъ Эстергази, дипломатъ, отличавшійся мягкимъ, миролюбивымъ характеромъ, и поэтому, какъ полагали въ Вѣнѣ, призванный содѣйствовать улучшенію отношеній между Россіей и Австріей, пострадавшихъ во времена крымской войны. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока ему нашли преемника въ лицѣ графа Фридриха Туна, доказавшаго свои выдающіяся способности на отвѣтственныхъ постахъ и небезызвѣстнаго Петербургу также. Новый посолъ, отправляясь въ 1859 году въ Петербургъ, взялъ съ собою, въ качествѣ совѣтника посольства, автора лежащихъ предъ нами воспоминаній, графа Ревертеру, остававшагося въ нашей столицѣ до начала 1863 года. Вотъ, что онъ разсказываетъ о своихъ первыхъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ:

„На придворномъ балу, 26-го февраля 1860 года, я былъ представленъ Императору Александру II. Монархъ оказалъ мнѣ милостивый пріемъ, замѣтивъ, что онъ слышалъ обо мнѣ отъ своей сестры, королевы Ольги *). „Впрочемъ,—продолжалъ Императоръ,—мы съ вами братья по оружію, такъ какъ я тоже австрійскій уланъ". Императоръ числился шефомъ одного изъ австрійскихъ уланскихъ полковъ, въ которомъ я служилъ въ 1859 году. Обратившись затѣмъ къ графу Туну, Императоръ разсказалъ, что въ Лондонѣ распространился слухъ, по которому заключенъ австро-русскій договоръ, гарантирующій неприкосновенность Венеціи, Венгріи и Польши; слухъ вызвалъ паденіе курсовъ на биржѣ. „Я отвѣтилъ: тѣмъ лучше"—закончилъ Императоръ свое сообщеніе.

„Въ этомъ смыслѣ Императоръ высказывался довольно часто; изъ его словъ легко можно было заключить, что исчезла тѣнь, омрачившая нѣкогда столь горячую дружбу между обоими императорскими дворами. Чувствамъ Монарха однако не тождествовало направленіе, которое старался дать русской политикѣ князь Горчаковъ. Разница во взглядахъ, какъ увидимъ ниже, выступала довольно часто, и графъ Тунъ, выходя въ отставку послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, не скрылъ отъ князя Горчакова своего сожалѣнія по поводу того, что не увѣнчались успѣхомъ его старанія, направленныя къ возстановленію сердечныхъ отношеній съ Россіей. Горчаковъ на это далъ слѣдующій отвѣтъ: „Нельзя знать, установится-ли въ непродолжительномъ времени полное согласіе между нашими правительствами".

„Совершенно иначе звучали слова, сказанныя Императоромъ графу Туну на прощальной аудіенціи. Выразивъ свое удовольствіе по поводу того, что старинныя дружескія отношенія съ Австріей уже возстановлены, Императоръ высказалъ признательность Францу Іосифу за лояльный образъ дѣйствій и просилъ его впредь также не вѣрить французскимъ нашептываніямъ. „Франція,—замѣтилъ Императоръ,—всегда останется врагомъ Австріи; уже въ Штутгартѣ Наполеонъ предлагалъ мнѣ Галицію взамѣнъ согласія на раздѣлъ Австріи".

„Князь Горчаковъ былъ принципіальнымъ противникомъ Австріи, и здѣсь я позволю себѣ разсказать, какъ и почему онъ имъ сдѣлался. Посланникъ при Вюртембергскомъ дворѣ, Горчаковъ былъ также аккредитованъ при германскомъ союзѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1850 — 1852 гг., когда президентомъ состоялъ тамъ графъ Тунъ. Отъ взгляда русскаго дипломата не могъ, конечно, ускользнуть глубокій разладъ между двумя нѣмецкими государствами, разладъ, вліявшій и на личныя отношенія ихъ представителей. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что прусскій посланникъ, фонъ-Бисмаркъ, стремится выбросить Австрію изъ германскаго союза. И вотъ, Горчаковъ, занимавшій постъ русскаго посла въ Вѣнѣ во время крымской войны, а затѣмъ вызванный въ Петербургъ для руководительства иностранными дѣлами, постепенно пришелъ къ убѣжденію, что ослабленіе Австріи необходимо и въ интересахъ Россіи. Въ этихъ видахъ онъ и старался обострять соперничество Пруссіи и Австріи, парализуя, такимъ образомъ, вліяніе Австріи на Востокѣ. Къ тому же преувеличенное представленіе о могуществѣ наполеоновской Франціи послѣ парижскаго мира, побуждаетъ Горчакова усердно домогаться ея дружбы, въ надеждѣ обезпечить, такимъ образомъ, свободу русской политики на Востокѣ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что Горчаковъ невольно раздѣлялъ неустойчивость взглядовъ Наполеона III на итальянскія дѣла, хотя эта неустойчивость глубоко возмущала консервативныя чувства Императора Александра, съ большимъ сожалѣніемъ и съ недовѣріемъ слѣдившаго за процессомъ разложенія европейской системы государствъ. Если Горчаковъ надѣялся за-

*) Великая княгиня Ольга Николаевна, вторая дочь Императора Николая I, получила блестящее образованіе подъ руководствомъ такихъ наставниковъ, какъ П. А. Плетневъ, протоіерей Г. П. Павскій и В. А. Жуковскій, внушившій своей ученицѣ любовь къ русской литературѣ. 1-го іюля 1846 года великая княгиня Ольга Николаевна сочеталась бракомъ съ вюртембергскимъ наслѣднымъ принцемъ, впослѣдствіи королемъ Карломъ I. Вюртембергцы называли королеву Ольгу „великимъ мастеромъ, виртуозомъ благотворительности".

ставить Францію и Пруссію служить своимъ планамъ на Востокѣ, то разсчетъ его былъ, такъ сказать, сугубо неправильный. Во всѣхъ вопросахъ, не имѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ русскимъ интересамъ, Наполеонъ охотно снисходилъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ Горчаковымъ, но это не мѣшало ему измѣнять России каждый разъ, когда онъ находилъ это нужнымъ. Точно также не предвидѣлъ Горчаковъ и того, что, вытѣсняя Австрію изъ германскаго союза, Пруссія заставляетъ ее перенести свой центръ тяжести на Востокъ. Впослѣдствіи Горчакову пришлось разочароваться въ своихъ разсчетахъ на г. Бисмарка, ускользнувшаго отъ его вліянія, и вотъ это-то и послужило поводомъ къ разладу между обоими дипломатами.

„Не успѣлъ еще графъ Тунъ порядкомъ осмотрѣться на своемъ трудномъ посту въ Петербургѣ, какъ со стороны Англіи былъ сдѣланъ первый шагъ къ вытѣсненію французскаго вліянія изъ Италіи. Утромъ, 19-го января 1860 года, графъ Тунъ вмѣстѣ со мною посѣтилъ Горчакова и мы узнали отъ него, что лордъ Джонъ Россель*) предлагаетъ державамъ признать принципъ невмѣшательства по отношенію къ Италіи. Спустя нѣсколько дней, это извѣстіе намъ подтвердили изъ Вѣны. Англія желала получить согласіе Австріи на слѣдующую программу: отозваніе французовъ изъ верхней Италіи и Рима, невмѣшательство Австріи и Франціи въ итальянскія дѣла безъ согласія остальныхъ державъ: воздержаніе державъ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Венеціи; присоединеніе Средней Италіи къ владѣніямъ Сардиніи. Графъ Рехбергъ**) желалъ знать, какъ смотритъ русскій кабинетъ на это дѣло. Отказъ со стороны Австріи не могъ подлежать сомнѣнію, но не могла присоединиться къ англійскому предложенію также и Франція. Все это, вѣроятно, зналъ лордъ Россель, но желаніе его исполнялось, разъ итальянскія дѣла ускользали изъ рукъ Франціи, оказывавшейся въ роли державы, препятствующей національнымъ стремленіямъ Италіи.

„Относительно Венеціи англійское предложеніе также не давало никакихъ гарантій; въ случаѣ взрыва возстанія или въ случаѣ нападенія со стороны Піемонта, Австрія могла расчитывать только на собственныя силы: невмѣшательство державъ являлось какъ бы призывомъ къ возстанію, цюрихскій договоръ просто-на-просто уничтожался, а Наполеонъ лишался права опеки надъ Піемонтомъ. Всѣми этими противорѣчіями, которыя были порождены неустойчивой политикой Наполеона, отлично воспользовалась Англія. Вмѣстѣ съ дружбой объединенной Италіи—она получала первенство на Средиземномъ морѣ, свалившееся ей въ руки, какъ зрѣлый плодъ, падающій съ дерева. Такимъ-то образомъ Наполеонъ, вопреки очевиднымъ интересамъ Франціи, поставилъ на ноги Италію и превратилъ ее въ союзницу Англіи, не заплатившей за это ни единой капли крови, ни одного гроша.

„У Россіи было не мало причинъ, по которымъ она не могла признать желательнымъ перемѣщеніе силъ на Средиземномъ морѣ. Князь Горчаковъ, весьма понятно, тотчасъ же принялъ сторону Франціи, когда Наполеонъ, отклонивъ невмѣшательство, выступилъ съ предложеніемъ о созваніи въ Парижѣ конференціи изъ представителей пяти державъ. При содѣйствіи правительствъ русскаго и прусскаго, хотѣли побудить Австрію къ участію въ этой конференціи.

„Въ своемъ увлеченіи Горчаковъ зашелъ такъ далеко, что, наткнувшись на сопротивленіе со стороны Рехберга, онъ предложилъ созвать конференцію безъ участія Австріи. Въ Вѣнѣ слова Горчакова произвели очень тягостное впечатлѣніе, и принцъ Александръ Гессенскій *), генералъ австрійской службы, сдѣлалъ по этому поводу серьезныя представленія русскому правительству. Императоръ Александръ былъ сильно огорченъ этой исторіей и выразилъ неудовольствіе своему министру. Горчаковъ же, съ своей стороны, жаловался графу Туну на вмѣшательство въ дѣла внѣшней политики, со стороны, лицъ къ нимъ не призванныхъ.

„Графъ Рехбергъ, впрочемъ, готовъ былъ согласиться на участіе въ конференціи, подъ условіемъ предварительнаго соглашенія между тремя сѣверными кабинетами, относительно программы, подлежащей обсужденію. Горчаковъ былъ противъ этого и настаивалъ на томъ, чтобы ни одинъ изъ совершившихся фактовъ или вытекающихъ изъ нихъ результатовъ не былъ заранѣе устраненъ изъ программы совѣщаній. При полной неустойчивости наполеоновской политики, итальянскій вопросъ, слегка затронутый на парижскомъ конгрессѣ, такимъ образомъ ежедневно сулилъ новые сюрпризы. Лордъ Джонъ Россель всячески старался побудить германскія государства и Россію къ совмѣстному протесту противъ возсоединенія Тосканы, Пармы и Модены съ Сициліей, а также противъ уступки Франціи Савойи и Ниццы. Но Горчаковъ находилъ этотъ планъ безумнымъ, утверждая, что онъ былъ бы равносиленъ коалиціи противъ Наполеона. При такомъ различіи взглядовъ, отъ конференціи можно было ожидать серьезнаго конфликта, но ужъ никакъ не соглашенія. Идея конференціи, такъ же, какъ идея конгресса, въ концѣ концовъ была похоронена.

„Несмотря на то, что императоръ Александръ, а также французскій посолъ въ Петербургѣ, орлеанистскій герцогъ Монтебелло**), питали недовѣріе къ наполеоновской политикѣ, Горчаковъ оставался при убѣжденіи, что русскимъ интересамъ гораздо больше отвѣчаетъ тѣсное общеніе съ Франціей, нежели вѣрность старымъ договорамъ (Чтобы судить объ отношеніяхъ между Наполеономъ III и его тогдашнимъ посломъ въ Петербургѣ достаточно знать вотъ какой фактъ: „Герцогъ Монтебелло часто хвалился тѣмъ, что однажды онъ, въ качествѣ посланника короля Луи Филиппа при швейцарскомъ правительствѣ, потребовалъ высылки изъ Швейцаріи Людовика Наполеона, его будущаго августѣйшаго повелителя). 4-го мая 1860 года Горчаковъ собралъ у себя представителей чужестранныхъ державъ и удивилъ ихъ чтеніемъ отправленной въ Парижъ депеши, въ которой онъ обращалъ вниманіе державъ на восточныя дѣла. Мы поняли, что ему желательно созвать конференцію, дабы Россія очутилась въ роли державы-покровительницы восточныхъ христіанъ. Наше совѣщаніе должно было послужить первымъ шагомъ къ осуществленію этой мысли, но ему не суждено было продолжаться, такъ какъ державы, одобривъ инициативу Горчакова объ изслѣдованіи положенія восточныхъ христіанъ, не могли придти къ соглашенію по вопросу о томъ, кому взять на себя эту миссію. Ее въ концѣ концовъ предоставили самой Турціи, и дѣло кончилось ничѣмъ".

Читателю понятно, что графъ Ревертера, какъ австрійскій дипломатъ, очутившійся въ Петербургѣ незадолго послѣ крымской войны, не могъ питать нѣжныхъ чувствъ къ князю Горчакову. Въ то время въ памяти нашихъ государственныхъ дѣятелей свѣжи были слова императора Николая I, однажды, въ 1853 году, воскликнувшаго: „Австрія удивила міръ своей неблагодарностью!" А въ князѣ Горчаковѣ жило сильно развитое національное чувство, которое ему, какъ отвѣтственному руководителю русской политики, приходилось иногда временно подавлять во имя высшихъ цѣлей. Фигурируетъ же его имя на берлинскомъ трактатѣ 1878 года, хотя онъ самъ не разъ повторялъ, что день подписанія этого документа былъ самымъ несчастнымъ въ его жизни. Графъ Ревертера въ своихъ воспоминаніяхъ очень часто выдвигаетъ мелкія подробности, дѣлаетъ мимолетныя замѣчанія, мелкіе наброски, которые должны умалить личность Горчакова, но ея крупные размѣры въ нихъ-то и выступаютъ довольно ярко. Горчаковъ былъ великій мастеръ въ дѣлѣ составленія и редактированія дипломатическихъ депешъ, нотъ, меморандумовъ и циркуляровъ; то были маленькіе шедевры, которые производили сильное впечатлѣніе во всей Европѣ и заставляли долго говорить о себѣ. Онъ любилъ писать ихъ, но любилъ также читать ихъ вслухъ. „Это маленькое удовольствіе—пишетъ графъ Ревертера, —можно было доставлять ему: онъ охотно читалъ ихъ и пожиналъ вполнѣ заслуженные лавры. Случалось и такъ, что принимая какого нибудь дипломата, онъ оставлялъ меня въ смежной комнатѣ съ открытыми дверями и, такимъ образомъ, превращалъ меня въ человѣка, невольно подслушивающаго, причемъ слова его направлялись не столько по адресу собесѣдника, сколько по моему собственному. Чѣмъ лучше было его настроеніе, тѣмъ менѣе онъ сдерживалъ свой языкъ, и впадалъ въ очень рѣзкій тонъ при малѣйшемъ противорѣчіи. Однажды онъ принялъ меня въ халатѣ и туфляхъ, сѣлъ у письменнаго стола противъ меня и, увлекшись своимъ краснорѣчіемъ, кончилъ тѣмъ, что положилъ ноги на столъ, по американскому обычаю. Его безцеремонность испытывали на себѣ мелкіе представители дипломатіи, особенно когда они некстати являлись".

Очень любопытенъ планъ, съ которымъ,—по словамъ графа,—носился Наполеонъ III въ 1863 году. Въ іюнѣ этого года въ Баденъ-Баденъ съѣхались германскіе государи для совѣщанія безъ участія Австріи; туда же прибылъ Наполеонъ III, съ цѣлью привлечь Пруссію на свою сторону:

„Это свиданіе монарховъ,—разсказываетъ намъ авторъ,—вовсе не пришлось по душѣ князю Горчакову, любившему

---

*) Джонъ Россель въ 1859 году былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Пальмерстона. Его иностранная политика носила отпечатокъ идеализма, не вполнѣ согласовавшагося съ политикой Пальмерстона: онъ сочувствовалъ освободительному движенію въ Италіи.

**) Графъ Рехбергъ завѣдывалъ гражданскими дѣлами въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, затѣмъ былъ представителемъ Австріи въ союзномъ сеймѣ, а въ 1859 году сдѣлался министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ году вспыхнула война съ Италіей, въ которой Австрія потерпѣла жестокія пораженія при Маджентѣ и Сольферино. Ломбардія перешла въ руки Франціи, уступившей ее Піемонту. Послѣ этого родственныя Австріи династіи должны были оставить свои итальянскія владѣнія, а въ Средней Италіи народъ вызвалъ на престолъ Савойскій домъ въ лицѣ Виктора-Эммануила.

*) Принцъ Александръ Гессенскій, австрійскій генералъ-отъ-кавалеріи, раньше служилъ въ русской арміи и въ 1845 году, подъ начальствомъ графа Воронцова, командовалъ кавалеріей въ войнѣ съ кавказскими горцами. Въ 1852 году онъ вступилъ на австрійскую службу и принялъ затѣмъ участіе въ австро-итальянской войнѣ 1859 года. По порученію императора Франца-Іосифа, онъ велъ переговоры о мирѣ съ Наполеономъ III, проектировавшимъ конференцію, которой, по словамъ нашего автора, горячо сочувствовалъ князь Горчаковъ.

**) Наполеонъ-Огюстъ Монтебелло—отецъ недавно покинувшаго постъ французскаго посла въ Петербургѣ, маркиза Монтебелло. Онъ былъ перомъ во время реставраціи, морскимъ министромъ въ послѣднемъ кабинетѣ Гизо и посланникомъ въ Петербургѣ съ 1856 по 1864 гг.

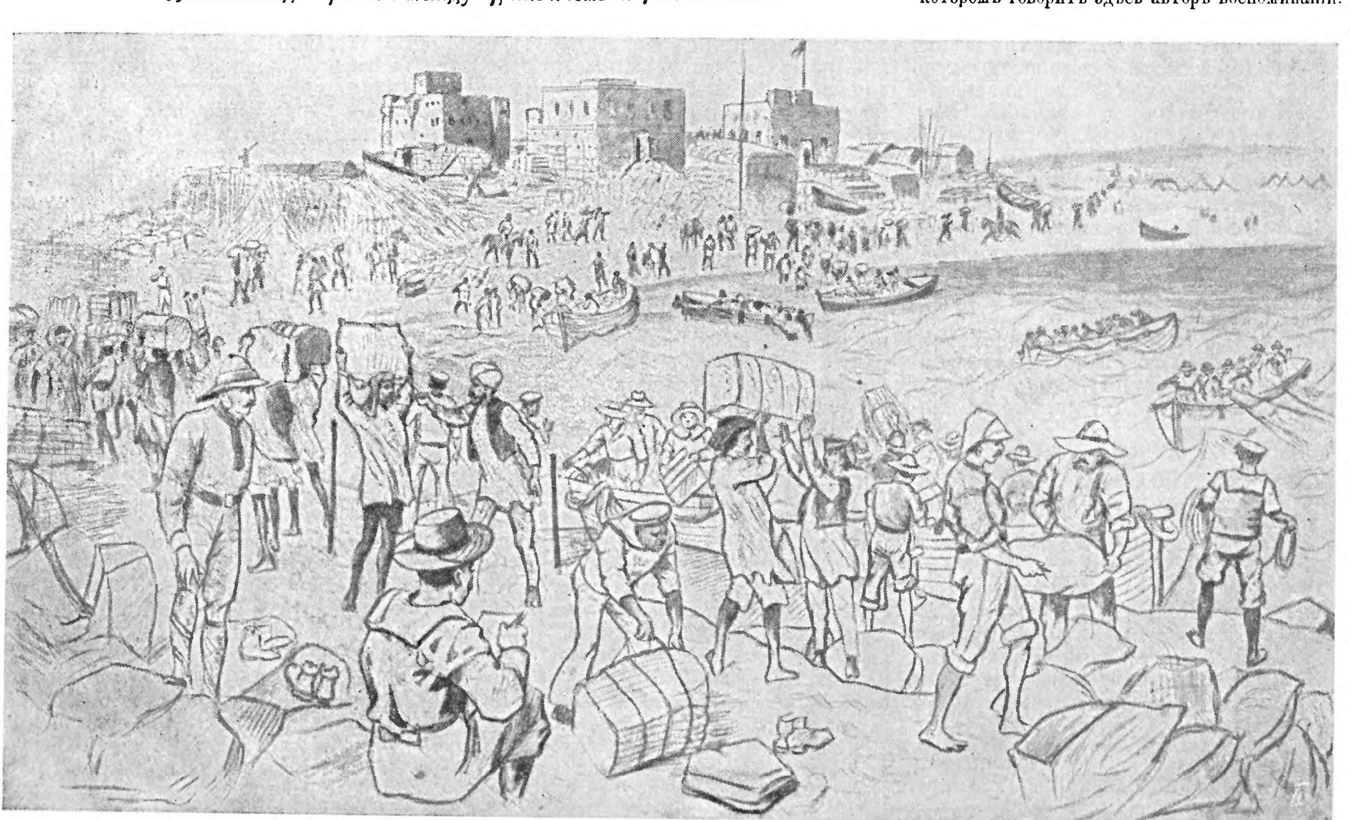
Туннель подъ Темзой между Гринвичемъ и Мильвалемъ.

бесѣдовать съ Наполеономъ съ глазу на глазъ, безъ участія постороннихъ, да къ тому же, въ то время его довѣріе къ французскому императору нѣсколько пошатнулось. Русскій дипломатъ, прибывшій изъ Парижа привезъ вѣсть о томъ, что Наполеонъ готовитъ принцу-регенту*) въ Германіи ту самую роль, которую игралъ Викторъ-Эммануилъ въ Италіи, но требовалъ взамѣнъ расширенія границъ Франціи до Рейна. Первый проблескъ этой мысли произвелъ довольно тяжелое впечатлѣніе. Горчаковъ придумывалъ средство, при помощи котораго онъ могъ бы заставить Наполеона сохранить свои русскія симпатіи. Надо было для этого какъ-нибудь удалить Наполеона изъ Баденъ-Бадена или, по крайней мѣрѣ, устроить такъ, чтобы баденъ-баденскія его впечатлѣнія стушевались предъ другими, и тутъ судьба послала ему помощь въ лицѣ Великой Княгини Елены Павловны. Императрица-мать, вдова императора Николая I, для поправленія здоровья ѣздила въ Южную Францію; она встрѣтилась съ Великой Княгиней въ Ліонѣ, куда тотчасъ же отправился Наполеонъ вмѣстѣ съ императрицей Евгеніей. Противовѣсъ Баденъ-Бадену, такимъ образомъ, самъ собою получился".

Великую Княгиню Елену Павловну графъ Ревертера характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Женщина необычайно умная, истинно образованная, она тогда производила чарующее впечатлѣніе; черты былой красоты тогда еще жили на ея лицѣ, а колоссальное состояніе позволяло ей служить тѣмъ благороднымъ цѣлямъ, ради

*) Принцъ Фридрихъ Вильгельмъ I, впослѣдствіи императоръ германскій и король прусскій, дѣдъ нынѣшняго германскаго императора. Въ октябрѣ 1857 г., вслѣдствіе тяжкой болѣзни своего отца, короля Фридриха Вильгельма III, онъ принялъ замѣстительство, а въ октябрѣ слѣдующаго года—регентство. При началѣ итальянской войны 1859 года, о которой здѣсь идетъ рѣчь, со всѣхъ сторонъ старались заручиться благосклонностью принца-регента. Кавуръ пытался расположить его въ пользу Италіи. Наполеонъ III предлагалъ ему, если онъ поддержитъ Францію въ итальянскомъ вопросѣ, взять Гольштинію, Ганноверъ и курфюршество Гессенское. Это-то предложеніе имѣлъ въ виду русскій дипломатъ, о которомъ говоритъ здѣсь авторъ воспоминаній.

Приготовленія къ походу противъ Сомали.—Совмѣстная работа буръ и англичанъ. Съ наброска англійскаго корреспондента.

Представительницы высшаго свѣта въ Америкѣ.

M-me Эдвинъ Гульдъ.

M-lle Лавренція Ванъ-Аленъ.

Супруга генерала Горвина.

M-lle Май Ванъ-Аленъ.

M-me Вандербильтъ.

которыхъ она никогда не щадила жертвъ. Въ ея салонѣ можно было встрѣчать начинающихъ художниковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи многіе стали знаменитостями. Она принимала живое участіе въ политикѣ и во многихъ пунктахъ сходилась съ Горчаковымъ, какъ, напр., въ нерасположеніи къ Австріи, въ преувеличеніи личности Наполеона, а что касается восторженнаго отношенія къ Италіи и сочувствія идеѣ прусской гегемоніи въ Германіи, то Великая Княгиня превзошла самого князя. Ея художественные балы, ея красота, ея умѣніе находить слова привѣта и сочувствія для каждаго, блестящій кругъ женщинъ красивыхъ и образованныхъ, чувствовавшихъ себя въ ея салонѣ свободными отъ придворнаго этикета—все это сдѣлало Михайловскій дворецъ лучшимъ центромъ лучшаго петербургскаго общества. Великая Княгиня Елена, урожденная принцесса Вюртембергска, отличалась рѣдкимъ умѣніемъ превращать въ благодарныхъ и преданныхъ сотрудниковъ всѣхъ, кто получалъ доступъ къ ея салону".

M-me Георгъ Гульдъ.

Возвращаясь къ австро-русскимъ отношеніямъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, графъ Ревертера утверждаетъ, что въ Россіи потребность въ сближеніи съ Австріей становилась тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ сильнѣе негодовали противъ Наполеона III, который воспользовался гоненіями на христіанъ въ Сиріи и избіеніями въ Дамаскѣ для вооруженнаго вмѣшательства въ пользу католическихъ маронитовъ *).

„Скрѣпя сердце **),—замѣчаетъ онъ,— Горчаковъ далъ свое согласіе на это вмѣшательство, но въ то же время старался всѣми средствами обезпечить и усилить русское вліяніе на православное населеніе Турціи. Размѣры и срокъ этого вмѣшательства, по его плану, долженъ былъ установить съ точностью подписанный въ Парижѣ протоколъ, въ который Горчаковъ хотѣлъ включить секретную статью и, такимъ образомъ, положить начало совмѣстнымъ дѣйствіямъ державъ въ защиту христіанъ европейской Турціи. Время доказало впослѣдствіи, что для этой цѣли, какъ и для многихъ другихъ, искреннее соглашеніе съ Австріей, какого желалъ Императоръ Александръ, гораздо вѣрнѣе оградило бы интересы турецкихъ христіанъ, нежели стремленіе Горчакова обезпечить свободу дѣйствій себѣ одному и имѣть опору въ лицѣ Наполеона III. Еслибъ русской политикой того времени руководилъ рыцарскій Императоръ больше, чѣмъ его министръ, то Россія, а можетъ быть и вся Европа, были бы избавлены отъ многихъ бѣдствій".

Вдова покойнаго президента Гранта.

*) Марониты—христіанская секта въ Сиріи. Въ 1860 году турецкое правительство произвело ужаснѣйшую рѣзню, прекращенную вмѣшательствомъ Европы.

**) Это выраженіе „скрѣпя сердце" идетъ въ разрѣзъ съ письмомъ князя Горчакова къ тогдашнему послу въ Петербургѣ, графу Монтебелло, гдѣ читаемъ: „Вполнѣ сочувствуя всякимъ мѣрамъ, направленнымъ къ покровительству христіанамъ, и всегда готовая присоединиться къ нимъ внѣ всякаго условія племени и вѣроисповѣданія, Россія одобряетъ сдѣланное ей изъ Франціи предложеніе. Съ радостью и безъ всякаго чувства ревности она привѣтствуетъ въ томъ краѣ (т. е. въ Сиріи) французское знамя предпочтительно всякому другому. (*Подробнѣе объ этомъ см. книгу С. Жигарева „Русская политика въ восточномъ вопросѣ, томъ II*").

Большой Свѣтъ въ Новомъ Свѣтѣ.

Не такъ давно мы подробно останавливались на исторіи развитія въ Америкѣ аристократизма, и отмѣчали его характерныя черты, между прочимъ, неустанное соперничество денежной аристократіи съ родовитой, насколько, впрочемъ, можно говорить о родовитости по отношенію къ странѣ, гдѣ самому древнему роду, сравнительно съ европейской дворянской родословной, „безъ году недѣля". Авторъ вновь вышедшей въ Нью-Іоркѣ книги, д-ръ Вильбуръ, выступилъ убѣжденнымъ заступникомъ денежной генеалогіи, и полагаетъ въ основу своего дѣленія американцевъ на бѣлую и черную кость весьма несложное понятіе—долларъ. Долларъ—это то завѣтное словечко, которое открываетъ „Сезамъ"... и даже большіе салоны г-жи Асторъ, неограниченной повелительницы этого золотого міра, или, вѣрнѣе мірка, потому что

M-me Нана Асторъ.

M-me Говардъ Гульдъ.

Супруга адмирала Девея.

онъ состоитъ, какъ извѣстно, лично изъ четырехсотъ семей высшей организаціи. Посѣщеніе Америки принцемъ Генрихомъ дало новымъ аристократамъ Пятаго проспекта показать, какъ хороши ихъ брилліанты и наряды. Театръ Метрополитенъ, въ которомъ состоялся торжественный спектакль въ честь высокаго гостя, составляетъ собственность тѣхъ же „четырехсотъ"; содержится онъ на тѣ средства, какія выручаются ежегодно отъ продажи абонементовъ, и сумма эта должно быть очень велика, такъ какъ мѣста достаются предложившимъ наибольшую цѣну. Имѣть ложу въ Метрополитенѣ такъ же необходимо для аристократа, какъ жить въ Нью-Іоркѣ, на Пятомъ проспектѣ, лѣто проводить въ Нью-Портѣ или Аннѣ, кататься на автомобиляхъ, имѣть собственную яхту и ѣздить въ собственномъ или, по крайней мѣрѣ, отдѣльномъ салонъ-вагонѣ по желѣзнымъ дорогамъ. Насколько мелочно тщеславіе знатныхъ янки, видно хотя бы изъ такого факта: на упомянутомъ спектаклѣ нѣмецкимъ гостямъ было отведено четыре ложи; абоненты ихъ должны были изъ чувства гостепріимства довольствоваться другими;

Прежде чѣмъ прохожій успѣетъ опомниться, его карманы оказываются опорожненными.

но владѣлецъ ложи № 33, Томасъ Гитчокъ, рѣшительно отказался сѣсть во второмъ ярусѣ, видя въ томъ униженіе для себя и для всего своего потомства. Пришлось затратить не мало усилій и дипломатическаго такта, чтобы не встрѣтить и въ другихъ абонентахъ такой же оппозиціи.

Мы упомянули уже имя царицы большого свѣта—г-жи Асторъ. Вокругъ нея толпятся звѣзды большей или меньшей величины и здѣсь опять-таки проявляется непримиримая рознь „родовитыхъ" и „богатыхъ". Нейтральное мѣсто принадле-

Остерегайтесь ночныхъ нападеній.

жить женамъ и дочерямъ высшихъ чиновниковъ и военныхъ чиновъ, какъ, напр., адмиральшѣ Девей, вдовѣ Грантъ (см. рис. на стр. 69) и др. Это веселое общество проводитъ зиму въ своихъ дворцахъ, а лѣтомъ—на самыхъ элегантныхъ курортахъ, неустанно продолжая рядъ праздниковъ, и удивляя другъ друга затраченными на безполезный вздоръ деньгами. Иногда аристократы чувствуютъ усталость и мѣняютъ городъ на сельскую тишину: но одно появленіе ихъ въ помѣстьяхъ уже спугиваетъ деревенскій покой. Вслѣдъ за хозяевами въ эти помѣстья наѣзжаютъ цѣлые отряды гостей, и дни летятъ въ разнообразіи череды увеселеній—пикниковъ, вечеровъ, спектаклей и др.

Ночные грабежи въ Парижѣ.

Парижская хроника происшествій изо дня въ день обогащается краткими сообщеніями такого содержанія: „Прошлой ночью чинами полиціи былъ замѣченъ на углу rue de Vaugirard человѣкъ, лежавшій на мостовой въ безсознательномъ состояніи. Доставленный въ ближайшій участокъ, онъ вскорѣ оправился и назвавъ себя Б., рантье, показалъ, что подвергся нападенію трехъ незнакомцевъ и былъ ими ограбленъ. У Б. похищены золотые часы съ цѣпочкой и темнокрасной кожи бумажникъ съ сорока франками. Къ розыску виновныхъ приняты мѣры". Но, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, грабители безслѣдно исчезаютъ въ потемкахъ Парижа.

Одному отважному репортеру удалось проинтервьюировать трехъ представителей того подозрительнаго міра, который и поставляетъ главнымъ образомъ матеріалъ для уголовной хроники, и заслужить ихъ довѣріе въ такой степени, что они даже согласились позировать для снимковъ. Благодаря подобному счастливому случаю, репортеръ могъ ознакомить читателей своей газеты съ излюбленными пріемами ночныхъ грабителей. „Впрочемъ, описаніе это, — предупреждаетъ авторъ,—имѣетъ значеніе не предисловія къ курсу уличнаго грабительства", а, напротивъ, предостереженія: ибо предупрежденный объ опасности вдвое сильнѣе, нежели непредупрежденный.

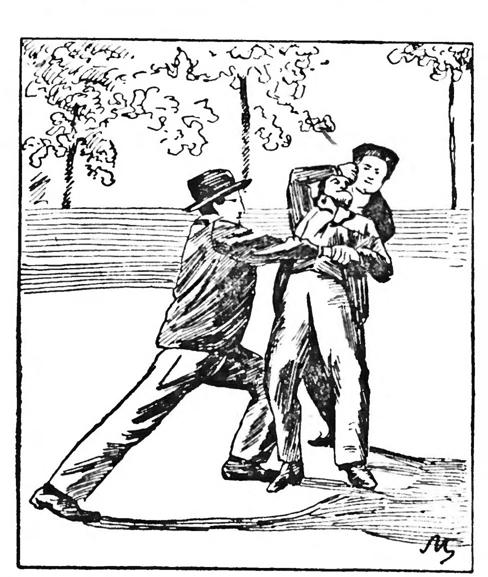
Одиннадцать часовъ вечера. Въ переулкѣ совѣщаются трое мужчинъ.

— Пока ни чорта! А жрать хочется. Не сцарапнуть-ли?...

— Дьяволъ, опять тебя подмываетъ! Мало насидѣлся въ кукушкѣ! А то... чортъ съ тобой! Валяй!

— Ну, такъ держи ухо востро...

Таково приблизительное введеніе къ ночному разбою. Недостаетъ лишь жертвы. Но вотъ слышны шаги беззаботнаго прохожаго. Сообщники обмѣниваются

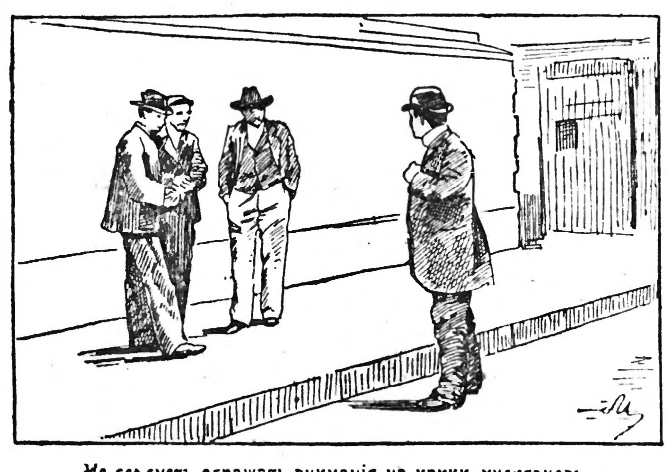
Жертвѣ затыкаютъ ротъ платкомъ.

взглядомъ: улица словно вымерла; полиціи не видно. Надо ловить моментъ.

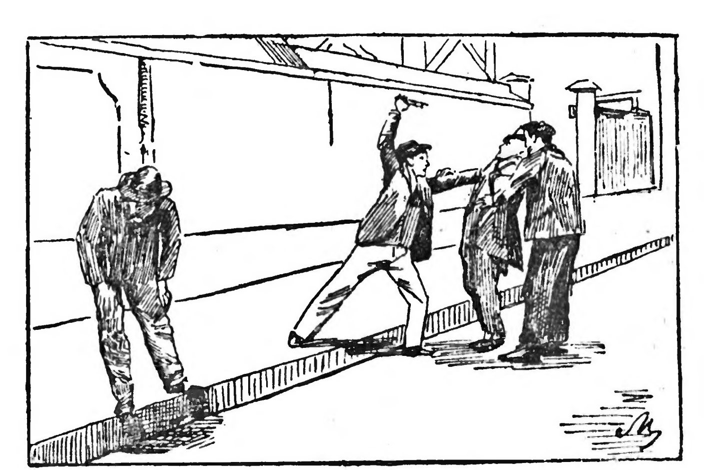
— Гляди въ оба!—шепчетъ одинъ,—у него золотая цѣпь!

И на прохожаго вдругъ обрушивается звонкая брань. Не успѣетъ онъ открыть рта, какъ уже чья-то желѣзная рука стискиваетъ сзади его шею; земля уходитъ изъ подъ его ногъ; бѣдняга теряетъ сознаніе. А на завтра въ газетѣ появляется замѣтка: „Прошлой ночью чинами полиціи" и пр., и пр.

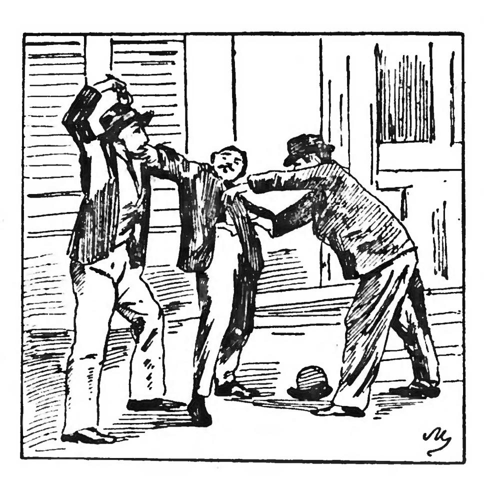
Но грабители не всегда ограничиваются такими кроткими пріемами. Иные жаждутъ пролитія крови. Они оглушаютъ

Не слѣдуетъ обращать вниманія на крики хулигановъ.

Во время нападенія одинъ изъ грабителей стоитъ на стражѣ.

Жертву оглушаютъ ударами бараньей кости.

жертву ударами знаменитой „бараньей кости",—это дѣйствительно, кость, 15 сантиметровъ длины, похожая на сѣчку безъ рукояти. Или пускаютъ въ ходъ матросскій ножъ. Если же жертва сопротивляется, кричитъ, ей забиваютъ ротъ платкомъ. Бываетъ, однако, что грабители ошибаются въ разсчетѣ, и при золотой цѣпочкѣ не находятъ массивныхъ золотыхъ часовъ. Тогда они считаютъ себя въ правѣ мстить обманщику: то лицо

Ограбленіе почтальона.

размозжатъ ударами каблука, то, ухвативъ несчастнаго за уши, расшибутъ ему голову о мостовую.

„Всякій настоящій грабитель, — увѣряетъ насъ репортеръ,—мечтаетъ о томъ, чтобы „прихлопнуть" банковскаго разсыльнаго или почтальона разносящаго денежные пакеты". И надо было видѣть, какъ засверкали глаза у трехъ интервьюированныхъ, когда имъ предложили показать свое искусство на „пробномъ" почтальонѣ!

Въ послѣднее время Парижскіе хулиганы примѣнили новый способъ: они ловятъ и душатъ прохожихъ при помощи „лассо", т. е. веревки въ сажень слишкомъ длины, съ петлей на концѣ. Этимъ орудіемъ, какъ извѣстно, владѣютъ въ совершенствѣ индѣйцы. Но иные парижане не уступятъ, пожалуй, и краснокожимъ. Удушеніе лассо имѣетъ свое особое названіе: le coup à la Romain Daurignac, въ честь пресловутаго сотрудника Терезы Эмберъ, прожившаго болѣе трехъ лѣтъ среди аргентинскихъ „гаучо".

Примѣненіе „лассо".

Цѣловаться воспрещено.

Заботы о нашемъ бренномъ тѣлѣ иногда переходятъ всякіе предѣлы и становятся уже смѣшными. Если бы мы всегда поступали по предписанію современной науки о бактеріяхъ, то намъ не хватило бы дня для точнаго исполненія этихъ предписаній, и мы ни одной минуты не могли бы провести безъ серьезныхъ опасеній за свою драгоцѣнную жизнь. Многія предписанія гигіены рѣшительно невыполнимы и только напрасно пугаютъ людей и часто совершенно напрасно. Въ Сѣверо-Американскомъ штатѣ Виргинія недавно изданъ законъ, которымъ регулируется обычай цѣловаться Дословно законъ этотъ гласитъ слѣдующее:

„Принимая во вниманіе, что поцѣлуи признаны врачами средствомъ для перенесенія заразныхъ болѣзней и что воспрещеніе цѣловаться должно поэтому ослабить распространеніе такихъ болѣзней, какъ чахотка, дифтеритъ и т. п., генеральное управленіе Виргиніи постановило:

1) Воспрещается цѣловать кого бы то ни было тому, кто не имѣетъ удостовѣренія отъ домашняго врача, что не страдаетъ заразной болѣзнью. *)

2) Если врачъ находитъ, что у даннаго лица слабыя легкія и это лицо поцѣловало кого-нибудь, то оно подвергается тому же наказанію, какъ если бы оно болѣло заразной болѣзнью.

3) За нарушеніе правилъ, установленныхъ въ пунктахъ 1 и 2, виновный уплачиваетъ штрафъ въ размѣрѣ отъ 1 до 5 долларовъ.

4) Законъ немедленно вступаетъ въ силу".

Мужчины и женщины, которые, несмотря на запрещеніе, всетаки не хотятъ отказаться отъ поцѣлуевъ, подвергаются испытанію, которое видно на нашемъ рисункѣ. Данное лицо прикасается губами къ химически очищенной стеклянной пластинкѣ, которая затѣмъ подвергается изслѣдованію въ микроскопически-физіологической лабораторіи въ отношеніи присутствія на ней вредныхъ бациллъ. (Есть бациллы, которыя всегда находятся на поверхности нашей кожи и въ нашихъ органахъ, но безвредныя).

Однако, воспрещеніе цѣловаться не есть еще самое характерное проявленіе боязни бациллъ. Въ Чикаго предполагаютъ воспретить пожатіе руки,

Цѣловаться воспрещено.

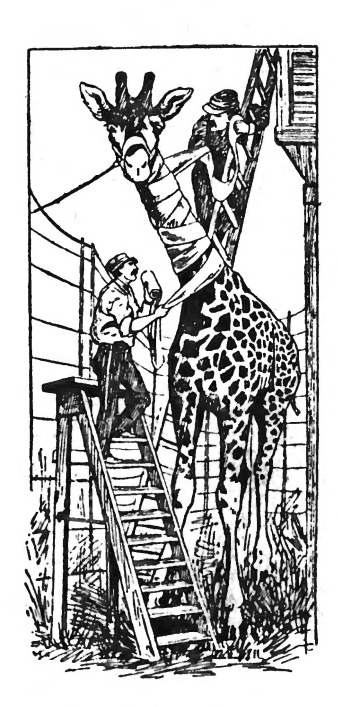
такъ какъ и такимъ способомъ легко передаются болѣзни.

*) Предлагаемъ тему для современнаго водевиля: онъ и она объяснились другъ другу въ любви. Влюбленные отправляются къ своимъ домашнимъ врачамъ, получаютъ подлежащія удостовѣренія и при новой встрѣчѣ уже обмѣниваются горячимъ поцѣлуемъ.

„Высокій" паціентъ.

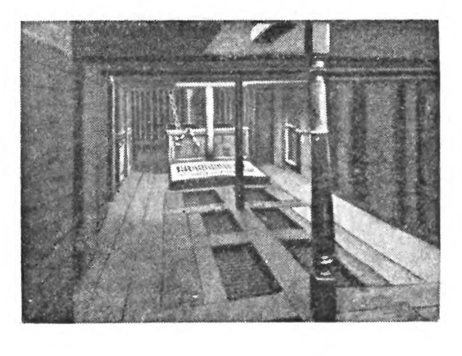
На нашемъ рисункѣ изображенъ самый высокій паціентъ, какого только пришлось пользовать врачамъ одного города С.-Америки, въ которомъ остановился странствующій звѣринецъ. „Нелли",—такъ зовутъ жирафа,—имѣлъ неосторожность простудить свое горло (въ 8 футовъ длины). На первыхъ порахъ прибѣгли къ впрыскиванію раствора кокаина: лѣкарства понадобилось около бутылки, но оно принесло облегченіе: течь изъ глазъ и изъ носа прекратились, и животное перестало стонать. Потомъ рѣшили предохранить горло отъ дальнѣйшей простуды и наложить на него согрѣвающую повязку, въ видѣ фланелевыхъ бинтовъ въ 20 фут. длины Нелли оказалъ сопротивленіе и его пришлось связать; два служителя, взобравшись на высокія лѣстницы, бережно укутали жею жирафа и покрыли его попоной изъ толстой фланели, затѣмъ приготовили соотвѣтствующей величины пульверизаторъ для вспрыскиванія дезинфецирующей жидкости и, благодаря настойчивому леченію, отстояли рѣдкое животное отъ смерти.

„Высокій" паціентъ.

Страшная галера.

Нѣкій изобрѣтательный импрессаріо, сообразивъ, что нынѣ не столько увесе-

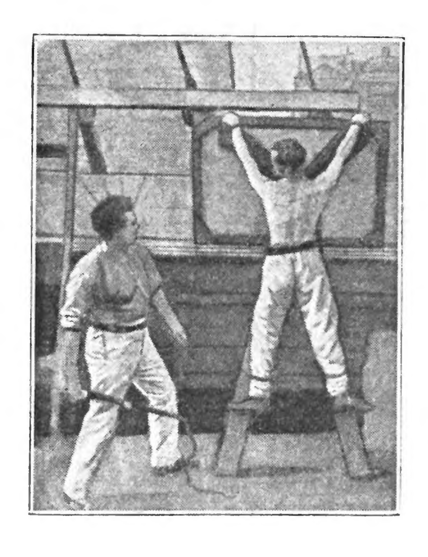

Главная палуба галеры съ клѣтками для арестантовъ.

леніями заманишь публику въ свой балаганъ, сколько соблазномъ сильныхъ ощущеній, показываетъ теперь галеру, бросившую якорь на Темзѣ. Послужной списокъ этой галеры (или на морскомъ жаргонѣ — паспортъ) блещетъ дѣйствительными заслугами.

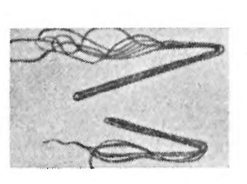
Въ 1789 г. она была отстроена и окрещена „Успѣхомъ“; сначала служила для пассажирскаго сообщенія между Англіей и Остъ-Индіей, позже—транспортомъ для эмигрантовъ, и, наконецъ, правительство Викторіи пріобрѣло его и обратило въ исправительное судно. Много лѣтъ „Успѣхъ“ исполнялъ эту обязанность; подъ старость, онъ затонулъ въ Мельбурнѣ, откуда его и извлекъ догадливый англичанинъ.

Кто посѣтитъ теперь галеру, предъ тѣмъ живо возстанутъ картины и образы прошлаго... недавняго и ужаснаго. Каюты, или, вѣрнѣе, клѣтки въ 2½ аршина въ квадратѣ — лѣтомъ невыносимо удушливыя, зимой — холодныя, какъ ледникъ. Тамъ, во тьмѣ, въ цѣпяхъ валялись несчастные узники, и только одинъ разъ въ сутки ихъ на цѣпи же подымали на палубу. Тщетны были бы попытки къ бѣгству. Надсмотрщики при малѣйшемъ подозрѣніи убивали арестантовъ, какъ бѣшенныхъ псовъ, и это имъ не ставилось въ вину. Ничтожные проступки влекли за

Наказаніе плетьми.

собой жестокое наказаніе девятихвостной кошкой. Бывали тираны, которые проявляли рѣдкую изобрѣтательность въ разнообразіи пытки; порою голодныхъ узниковъ изводили запахомъ мяса, которое жарили тутъ же, у ихъ клѣтокъ, или сажали въ карцеръ на пять сутокъ и т. п. Когда же издѣвательства доходили до крайней степени, какой-нибудь отчаян-

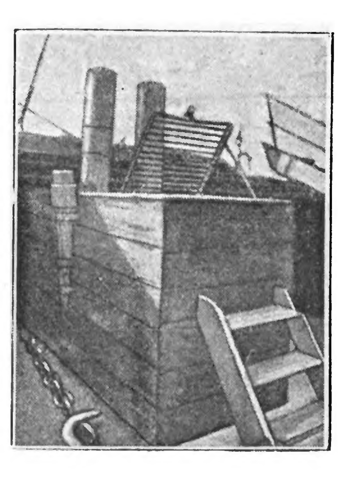

Плети: большія для мужчинъ и меньшія для женщинъ.

ный бросался на надзирателя и душилъ его или убивалъ цѣпями, и тутъ же получалъ пулю въ високъ. Два трупа кидались въ море, а пловучій застѣнокъ продолжалъ дѣйствовать по прежней системѣ... Такова печальная исторія, о которой напоминаютъ наши снимки.

Говорятъ, что изобрѣтательный импрессаріо намѣренъ объѣзжать европейскіе портовые города.

Клѣтка для узника на страшной галерѣ.

Къ событіямъ въ Македоніи. — Подъ градомъ непріятельскихъ пуль.

Типографія «Биржевыхъ Вѣдомостей» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропперъ.